

ЗАВИСИМОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Статья посвящена одной из сложнейших проблем истории Киевской Руси: определению социального статуса слоев, относимых исследователями к разряду зависимого или трудящегося населения Руси. На основе широкого круга источников автор предлагает свое собственное видение спорных вопросов. В постсоветское время это первая работа подобного рода.

Тема эксплуатации трудящегося населения Киевской Руси в советской науке была одной из основных. От решения данного вопроса во многом зависело определение типа общественно-экономической формации и, как следствие, – уровня развития Руси и ее отношения к европейскому миру (не в географическом, а в историческом плане). Но источники не позволяют сделать это с полной уверенностью. В конечном счете именно поэтому историки отдавали предпочтение тому или иному способу эксплуатации в зависимости от собственных теоретических установок, от того, какую формацию они предполагали найти в социально-экономическом строе Киевской Руси.

В качестве основной рабочей силы на Руси источники называют челядь, холопов, закупов и смердов. В ряду главных объектов, вокруг которых кипели научные страсти, были **челядь** и **холопы**. Основная масса советских историков на том или ином основании склонна различать эти два понятия. И.И. Смирнов, А.А. Зимин и Н.Л. Рубинштейн считают возможным говорить о одновременности челяди и холопов [1, с. 215–216]. По их мнению, данные Русской Правды позволяют утверждать, что холопы приходят на смену челяди в середине XI века. Основная часть советских историков предпочитала следовать за Б.Д. Грековым, понимая под челядью совокупность работающего на землевладельца населения, как рабов, так и не рабов [2, с. 158]. Холопы у Грекова большей частью – рабы, но тоже не все. Некоторых из них он относит к вольным слугам [2, с. 160, 163]. Особняком стоит точка зрения И.Я. Фроянова. Значение слова «челядь» он значительно сужает, полагая, что под ним на Руси понимали только рабов, попавших в рабство через военный плен. Холопы, по его мнению, тоже рабы, только, происходившие

из местного общества [1, с. 219, 227, 232]. По Фроянову, основная разница между челядью и холопами не в общественном положении, а в происхождении. Хотя некоторые отличия между ними он наблюдает и в статусе. Опираясь на данные Русской Правды в ее пространной редакции, он утверждает, что со временем в отношении холопов появились некоторые послабления. Холопы, как он думает, могли заключать торговые сделки, не скрывая своего рабского состояния, в исключительных случаях свидетельствовать в суде. Эти послабления Фроянов объясняет местным происхождением данной категории зависимого населения [1, с. 230–232].

В основе размежевания челяди и холопов лежат наблюдения за текстом Русской Правды. Замечено, что статьи в Правде о челяди и холопах не смешивают эти два понятия и они друг друга не заменяют, подобно, скажем, «закупу» и «наймиту». Б.Д. Греков обращает внимание на параллельные статьи краткой и пространной редакций Правды, говорящих о челяди и холопах. «Ни разу в этих параллельных статьях, – пишет он, – не нарушена терминология. «Челядин» не заменяется каким-либо другим словом. Ни разу не попадает в этих статьях термин «холоп» или «роба». То же необходимо сказать и относительно статей, трактующих о холопах. Тут так же строго выдерживается употребление слов «холоп» и «роба»» [2, с. 159]. В таком же ключе рассуждает и Фроянов: «Как бы часто ни встречались на страницах памятников «челядин» и «холоп», они всегда строго разграничены» [1, с. 227]. Но значит ли, что челядь и холопы в социальном отношении представляли собой два разных слоя? На размышления наводит то, что статьи Правды, упоминающие челядь, и статьи, говорящие о холопах, касаются разных судебных происшествий. Близки только статьи 32, 38,

в которых речь идет о челяди, и 112-я, где говорится о холопах. Все они имеют в виду бегство, в первом случае – челядина, во втором – холопа. Однако и они на самом деле рассматривают различные стороны этого дела. В статье 32 разбирается ситуация, когда беглого челядина не выдают, несмотря на публичное объявление об этом на торгу. В 38-й статье говорится о купленном челядине, которого узнал бывший хозяин как своего беглого раба, и последующей процедуре свода, т. е. поиска истинного виновника. В 112-й статье речь идет о беглом холопе, которому кто-либо помогает убежать – дает ему хлеб или показывает дорогу. И так, в одном случае – не выдают, в другом – покупают, в третьем случае – помогают. Кроме того, источники ведь знают и третье название раба – парубок, и четвертое – собственно раб [3, с. 9; 4, с. 14]. Значит ли это, что существовали еще два слоя рабского населения, положение которых Русская Правда вообще никак не определяет? Думаю, вряд ли.

Если не обращать внимания на проблемную 117-ю статью Пространной Правды, окажется, что холоп по своему статусу практически ничем не отличается от челядина не только в XI, но и в XII веке. Холопов, по данным Правды, как и челядь, покупают, продают и перепродают. В статье 118 говорится о таком случае – покупке то ли украденного, то ли беглого холопа: «Аже кто кренет чюжь холоп не ведая, то первому господину холоп поняти...». Холопы, как и челядь, бегут от своих господ при каждом удобном случае. О беглых холопах Правда рассказывает на протяжении целого ряда статей, начиная со статьи 112-й, заканчивая 121-й. Холоп не мог быть свидетелем, о чем прямо говорит 66-я статья: «А послушства на холопа не складают». В крайнем случае, если не было свидетеля из числа свободных, можно было привлечь боярского тиуна или закупа. И.Я. Фроянов, исходя из мнения о рабском статусе боярского тиуна, полагает, что тем самым законодатель пробивает брешь в своем запрете. Однако не всякий боярский тиун был рабом. В Правде указывается, что рабское состояние влекло за собой «тиунство без ряда» (ст. 110). Но здесь же говорится, что суще-

ствовало тиунство, которое не превращало свободного человека в раба – это «тиунство с рядом» – специальным соглашением между слугой и господином. В этом случае «*како ся будеть рядил, на том же стоить*». Упоминание вслед за боярским тиуном закупа позволяет думать, что в 66-й статье под боярским тиуном имеется в виду не холоп, а свободный, находящийся у господина в услужении (на рабской должности). Ведь закуп совершенно точно не был рабом. Смысл статьи в том, что в отсутствие полноценного свободного человека послушество могло возлагаться на людей полусвободных, но ни в коем случае не на холопов. Фроянов приводит данные, в которых отмечаются случаи, когда холопы все-таки бывали свидетелями. Об этом говорит в том числе и данная статья Русской Правды. Законодатель, запрещая брать холопа в свидетели, тем самым указывает на существование этой порочной практики. А в статье 85 он приводит факты, показывающие, как это происходило: «*Ты тяже все судять (с) послухи свободными; будеть ли послух холоп, то холопу на правду не вылазити; но оже хоцет истец, или иметь и, а река тако: по сего речи емлю ти, но яз емлю тя, а не холоп, и емети и на железю; аже обвинити и, то емлет на немь свое; не обвинити ли его, платити ему гривна за муку, зане по холопы речи ял и*». Опираясь на данный текст, И.Я. Фроянов пишет: «Стало быть, достаточно желания истца, чтобы показания холопа возымели действие» [1, с. 230]. Отчасти это верно. Однако смысл статьи глубже. Речь идет о том, что в отсутствие полноценного свидетеля (из числа свободных) и, вероятно, боярского тиуна и закупа – о них говорилось в статье 66-й – обвинитель может сослаться на холопа, но он должен оговориться, что не холоп обвиняет, а он сам. После этого можно было приступить к испытанию. Если при этом окажется, что подозрение было обоснованным, т. е. испытуемый действительно был виновен, тогда обвинителю можно было забрать свое, если же нет, он обязан был заплатить незаслуженно подвергнутому пытке гривну. Здесь, как и в 66-й статье, холопье свидетельство по возможности исключается, а если и допускается, то

ценность его обусловлена финансовыми обязательствами обвинителя, который берет правовой «грех» на себя. И там, и здесь подчеркивается несвобода холопа, его приниженное положение не только по отношению к свободному, но и относительно закупа и боярского слуги. Обвинение холопом свободного, судя по этой статье, воспринималось как оскорбление. Для чего и требовалась оговорка: *«но яз емлю тя, а не холоп»*. Наконец, Пространная Правда дает прямые сведения о бесправии холопа. Он, как следует из статьи 46-й, не отвечал за свои поступки: *«...их же князь продажею не казнить, зане суть не свободни...»*.

Выводы исследователей о частичной правоспособности холопов кажутся в этом окружении странными. Попытки объяснить это противоречие эволюцией холопского статуса наталкиваются на существенные препятствия. В Русской Правде статьи о холопах – и те, что рисуют их полной собственностью господина, и те, что якобы говорят о некоторой доле свободы холопов, – относятся к одному пласту («Устав о холопах») и датируются одним и тем же временем [5, с. 160–161, 165]. Сомнительно, что общество, смотревшее на холопа как на вещь, в то же самое время наделяло его определенными чертами личности, сближая тем самым хозяина и его собственность. Русская Правда, на мой взгляд, не дает оснований для таких заключений. Статьи 112–121 Правды тесно связаны между собой. Все они без исключений говорят о происшествиях, связанных с бегством холопа. Видимо, такое внимание к этому вызвано серьезной проблемой, какой в то время было бегство холопов для древнерусского общества. Данный ряд статей призван, очевидно, в какой-то мере решить ее. И уж, конечно, не путем придания рабу некоторых качеств и привилегий его господина. Общество, которое систематически и в немалых масштабах пользовалась рабским трудом, вряд ли вообще было способно на такое решение. Общий дух статей в стремлении обеспечить законные права хозяев на своих беглых холопов в случае их обнаружения. Статья 112-я устанавливает ответственность за пособничество бегству холопа, карая за это штрафом, сравнимым со штрафом за его убийство, – 5 гривен за холопа

и 6 за робу. Такими же большими штрафами оперирует и следующая 113-я статья, рассматривающая ситуацию поимки беглого холопа третьим лицом. Если он сообщал об этом его хозяину – получал за это гривну; если же упускал его, то платил 4 гривны. О ситуации, когда хозяин сам обнаруживал своего холопа в чужом городе, говорит 114-я статья. На следующие три статьи следует смотреть как на единое целое. Статья 115-я гласит: если кто встретит беглого холопа, не ведая, что он холоп, и присягнет в том, что не знал, – ответственности не несет. Если он даст ему куны, т. е. деньги в долг (думая, что он свободный), то его хозяин должен либо выкупить своего холопа, заплатив за него, либо отдать его. Об этом речь идет уже в 116-й статье. А если он отправит его торговать, а он разорится и задолжает – отвечает за него хозяин. В этом случае складник, не ведавший о его холопском статусе, претендовать на него не может – холоп возвращается законному хозяину. Последний случай как раз и отражен в 117-й статье, позволившей некоторым исследователям думать, что холоп мог вести торговые дела, не скрывая своего холопства. На самом деле в торг пускал холопа не хозяин, а складник, не знавший о холопском положении своего товарища. Следующие четыре статьи подтверждают эту мысль, поскольку в них вновь со всей очевидностью говорится о беглых холопах.

И холоп, и челядин выглядят в Русской Правде настоящими рабами – людьми, лишенными каких-либо прав. И тот, и другой рассматриваются хозяевами как имущество. Их покупают, продают, ловят, если они убегают. В чем же тогда их отличие, которое кажется очевидным целому ряду исследователей, в том числе таким авторитетным, как И.Я. Фроянов и Б.Д. Греков? Мысль И.Я. Фроянова об очень узком значении слова «челядин» мне кажется маловероятной. «Во всех случаях, – пишет он, – когда древние памятники письменности позволяют в той или иной мере приблизиться к источнику челядинства, всегда взор исследователя упирается в плен» [1, с. 225]. Он приводит данные летописи, где говорится о пленении челяди или о превращении жителей завоеванных городов и сел в челядь. Несомненно,

захваченные в походе люди, без учета их прежнего социального статуса, превращались в челядь, т. е. рабов. А что же дальше? Челядь сразу попадала на рынок, ее продавали, она оседала в селах рабовладельцев, передавалась по наследству или перепродавалась – Фроянов сам отмечает, что челядью торговали постоянно и необычайно бойко [1, с. 218]. Уже на торгу челядь встречалась с холопами (для рабовладельца тем же самым товаром), не говоря уже о хозяйствах рабовладельцев, где они вряд ли отделили один вид рабов от другого. О чем косвенно говорят данные о закупах, в которых рабовладельцы так же видели рабов, несмотря на то, что они на самом деле ими не были. А перепроданный челядин, он разве по-прежнему пленник? Думаю, вряд ли владельцев рабов вообще интересовала история превращения человека в раба, когда он его покупал или продавал. И не менее странной кажется процедура сортировки рабов в хозяйстве на основании их происхождения, чем сортировка захваченного в походе люда на тех, кто был рабом, и тех, кто не был до этого рабом. Скорее всего, мы имеем дело не с разными категориями рабов, а разными названиями одной и той же рабской категории населения. Гораздо вероятнее деление рабов в Древней Руси по их **предназначению**. На это указывает та же Русская Правда, в которой среди рабов упоминаются рядовичи, ремесленники, тиуны (огнищные, конюшие, сельские, ратайные), отроки, повара, кормильцы (ПП. Ст. 11, 12, 13, 14, 15, 17). Хотя некоторые из них и толкуются по-разному. Прежде всего рядовичи. Но и в отношении рядовичей наиболее обоснованной представляется версия, что это хозяйственные и административные агенты, помощники тиунов [1, с. 287]. По словам И.Я. Фроянова, это толкование делает понятным известное предостережение Даниила Заточника: *«Не имей собе двора близ князя двора и не держи села близ князя села: тиун бо его аки огонь трепетицею накладен, и рявовичи его аки искры: аще от огня устережешися, но от искор не можеши устеречися...»* [1, с. 286]. Кроме того, в Правде рядович упомянут в одном контек-

сте с отроками, тиунами, ремесленниками и кормильцами, т. е. среди рабов, названных по роду занятий. Законодатель здесь перечисляет различные категории княжеских рабов, определяя виры за их убийство. Статья 11 говорит об отроках и поваре, 12-я – о тиунах огнищном и конюшем, 13-я – о сельском тиуне и ратайном, 14-я – о рядовичах, 15-я – о ремесленниках, 16-я – о смерде и холопе (или о смердем холопе, что вряд ли так, если судить по контексту), 17-я – о кормильцах. Если данное предположение справедливо, то под челядью надо понимать рабов, которые трудились в селах (где они чаще всего и упоминаются), а под холопами – дворовых, где они, судя по Русской Правде, скрываются, совершив преступление (ст. 65 ПП). Но деление рабов на холопов и челядь вряд ли было строгим.

Закупы вызывают споры не меньше, чем челядь и холопы, но мнения о них различаются между собой не так сильно. Связано это с тем, что все суждения о закупах восходят к достаточно ясным сведениям ряда статей Русской Правды. Общему осмыслению данных о закупах препятствуют теоретические соображения и неоднозначное понимание древнерусских текстов. Историки царской России пытались объяснить положение закупов в древнерусском обществе путем сопоставления с близкими социальными понятиями Московского времени или эпохи Империи. Закупы казались похожими на кабальных холопов (И.Н. Болтин, И.Ф.Г. Эверс, А. Рейц), серебрянников (Н.П. Павлов-Сильванский), наемных рабочих (В.И. Сергеевич, В. Лешков, С.М. Соловьев). В них видели арендаторов-заемщиков, заложивших самих себя (В.О. Ключевский, М.Ф. Владимирский-Буданов) и полурабов (А.Е. Пресняков) [2, с. 195–197]. Советские исследователи смотрели на закупа чаще всего сквозь «феодалные» очки. С.В. Юшков определял его как человека феодально-зависимого, и даже крепостного, попавшего в кабалу за долги [6, с. 67–71]. Б.Д. Греков увидел в закупах разновидность рядовичей, входившую в состав барской челяди (рядовичи, по его мнению, – это попавшие в феодальную зависимость по договору) [2, с. 208]. Среди советских исто-

риков, пожалуй, только И.Я. Фроянов и его ученики придерживаются существенно иной точки зрения. Они считают закупов полурабами и не связывают их существование с развитием феодализма на Руси [1, с. 266].

Определение социального статуса закупа затрудняет второе название этого слоя – наймиты, которое употребляется в Русской Правде как равнозначное первому. Особенно отчетливо это видно в статье 61 (ПП): *«Продасть ли господин закупа обель, то наймиту свобода во всех кунах...»*. Б.Д. Греков, доказывая феодальную сущность закупа, обратил внимание на то, что слово «найм» в древнерусском языке, как он писал – «наряду с наймом в нашем смысле» – употреблялось и в значении «лихвы», т. е. процентов [2, с. 199]. В таком понимании, по его словам, оно встречается в ряде источников, в том числе «Вопрошании Кириковом», «Поучении, избранном от всех книг» и «Поучении» новгородского епископа Ильи. Значение этих наблюдений снижается существованием в Древней Руси и современного смысла слова «найм», о чем Б.Д. Греков бегло упомянул, но как альтернативу всерьез рассматривать не стал. Вопрос в том, какое из этих значений имеет в виду Русская Правда? Б.Д. Греков отвечает на него так же бегло как и в случае с упоминанием иного, «неугодного» ему значения слова: *«Совершенно ясно, что «найм» здесь [в перечисленных выше источниках], как весьма возможно и в «Русской Правде» (выделено мною. – А.П.), нужно переводить термином «проценты»...»* [2, с. 199]. Данное допущение Грекова не может быть принято. У закупа-наймита есть «двойник» в Псковской судной грамоте, где под наймитом недвусмысленно понимается «всякий нанятый за вознаграждение человек», а под «наймом» – само вознаграждение. Особенно отчетливо это выражено в статье 37 грамоты: *«А на котором человеке имуть сочити долгу по доскам, или жонка, или детина, или стара, или немощна, или чем безвечен, или чернец, или черница, ино им наймита волно наняти, а исцом целовати, а наймитом битись, а против наймита исцу своего наймита волно, или сам лезет»*. Закон Пскова, как следует из этой нормы, разрешал немощному псковичу

вместо себя выставлять на судебный поединок нанятого для этого человека. Противная сторона тоже могла выбрать вместо себя наймита. В Псковской Правде наймит волен уйти от хозяина по окончании срока или сделав работу, на которую его нанимали. Если хозяин не захочет дать ему причитавшуюся плату, он мог требовать свое в суде. Об этом говорит статья 39: *«А который мастер плотник или наймит отстоит свой урок и плотник или наймит... свое дело отделает... на государех и взакличь сочит своего найма»*. Следующие две статьи (40, 41) показывают, что наймит Псковской Правды мог покинуть своего хозяина и не доделав свою работу до конца. Уходил он свободно, не таясь, и речь о превращении его в холопа не шла. В Русской Правде мы имеем дело тоже со свободным человеком, имеющим ряд прав. Однако положение закупа здесь заметно отличается от положения наймита Псковской судной грамоты, и не в пользу закупа. Русская Правда знает ситуацию, когда закуп бежит от хозяина, то есть уйти от него просто так, по собственному желанию, как это делал псковский наймит, он не мог (ст. 56 ПП). Бегство закупа давало основание превратить его в полного холопа. Уйти от хозяина он мог только временно и то в двух случаях: чтобы найти деньги (*«искати кун»* Ст. 56 ПП) для выплаты купы и чтобы пожаловаться на хозяина в суд, в случае нарушения его прав. В статьях 59–62 говорится о таких правах. Хозяин не мог произвольно изменять соглашение с закупом, сопровождавшееся выдачей ему купы (денег), орудий труда и земли (если это был ролейный закуп) – нельзя было менять размер купы и отнимать землю у закупа. Господин не имел права продавать его в холопы, если он это делал, закуп освобождался от своих обязательств. Хозяин не мог бить закупа без причины. При всем при этом заметно одно очень важное обстоятельство: работа закупа на господина сама по себе не приводила к погашению купы. Отношения между ним и хозяином прекращались только в том случае, если закуп возвращал ему купу. В центре различий между закупом Русской Правды и наймитом Псковской судной грамоты оказывается купа или найм. Первому

она давалась в начале, а второму – в конце, т. е. закуп получал куны, еще не сделав работы, а псковский наймит после ее окончания. Однако «найм» не только разъединяет, но и объединяет их. И первый, и второй вступают в отношения с работодателем ради получения кун, оба к хозяину нанимаются, только на разных условиях. В наймите Псковской Правды можно было бы увидеть развитие института закупничества, имея в виду путь закупа от человека, который в начале был скорее раб, чем свободный, до человека, который стал скорее свободным, чем рабом. Если бы не одно обстоятельство. Найм на условиях Псковской судной грамоты известен и в эпоху Русской Правды. Еще С.М. Соловьев (а вслед за ним и другие историки) обращал внимание на факт, отраженный в Печатном Прологе. Ярослав Мудрый, задумав построить церковь во имя святого Георгия, столкнулся с тем, что на строительство храма приходило мало людей. «...*И се виде князь призва тиуна: почто не много у церкви страждущих? Тиун же рече: понеже дело властелское, боятся людье труд подымаше найма лишени будут. И рече князь: да аще тако есть, то аз сице створю. И повеле куны возити на телегах в коморы златых врат, и возвестиши на торгу людем да возмут кождо по ногате на день. И бысть множество делующих*» [7, прим. 393. С. 383]. Б.Д. Греков рассматривает это сообщение как показатель редкости применения наемного труда. Он пишет: «Население Киевской Руси так привыкло к тому, что его эксплуатируют сильные люди путем принуждения, что не верило в возможность оплаты своего труда даже тогда, когда она, несомненно, предполагалась» [2, с. 154]. На мой взгляд, данное сообщение не может говорить о масштабах применения наемного труда. О привычке населения к принуждению – тем более. По смыслу этого рассказа киевляне не хотели идти на строительство храма, потому что его затеял князь. «Дело властелское» – объяснял тиун Ярославу отсутствие на стройке достаточного количества «страдающих». Люди подозревали, что их могут обмануть и не заплатить поло-

женный им «найм». Вероятно, случаи такие бывали: власти обманывали наймитов и не давали обещанных кун. Это свидетельствует не только о привычке властей не выполнять свои обещания, но и о самом факте существования практики найма свободного населения на условии выплаты вознаграждения после завершения работы. Что касается вопроса распространенности свободного найма в Киевской Руси, на основании данного источника судить об этом трудно. Важен сам факт существования найма в XI веке в привычном для нас смысле. Наименование закупа наймитом говорит о том, что данная форма зависимости рассматривалась древнерусским обществом как разновидность найма, а не закабаления или превращения свободного населения в рабское. В то же время необходимо заметить, что работодатели в Киевской Руси были склонны относиться к закупам так же, как и рабам. Думаю, объясняется это тем, что общество видело рабское состояние в любой форме зависимости, не обращая внимания на тонкости законодательства. Об этом свидетельствуют слова Даниила Заточника, согласно которым служба кому-либо воспринималась как потеря свободы, т. е. была сродни рабству: «Доброму бо господину служба дослужится слободы, а злу господину служба дослужится болейшей работы» [8, с. 153].

Таким образом, под закупками следует понимать один из видов наемных работников в Киевской Руси. Закупный найм был тяжелой формой зависимости, сравнимой с рабской. В отдельных случаях закупничество вело к настоящему рабству. Однако необходимо помнить, что закупы на самом деле не были ни рабами, ни полурабами. Они поступали на работу на определенных условиях и могли прервать свои отношения с работодателем, выполнив эти условия. Этим закупничество существенно отличается от любых форм холопства, в том числе кабального, известного в Московской Руси*.

Вопрос о смердах не менее сложен. И здесь противоречивые данные заводят решение проблемы в тупик. Существует два прин-

* Если искать аналогии в московской эпохе, то ближе всего к закупам являются закладни (См.: Ключевский В.О. История сословий в России // Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. М., 1989. Т. 6. С. 290).

ципиальных взгляда. Согласно первому, смерды – зависимые или независимые от землевладельца селяне (в любом случае лично свободные), занимающиеся крестьянским трудом и платящие дань. Согласно второй точке зрения, смерды – это рабы, посаженные на землю. Первый взгляд отстаивают большинство исследователей русской истории, в том числе такие авторитетные, как М.Н. Покровский, Б.Д. Греков, С.В. Юшков, В.В. Мавродин, Б.А. Романов, Л.В. Черепнин, Б.А. Рыбаков и другие. Второй взгляд защищает А.А. Зимин, частично – В.И. Горемыкина, в какой-то мере Ю.А. Кизилов, однако наиболее последовательно и решительно – И.Я. Фроянов [10, с. 191–224].

И.Я. Фроянов делит смердов на «внешних» и «внутренних». Основанием для выделения «внешних» смердов служит ряд летописных статей. Под 1193 годом новгородский летописец сообщает о походе новгородцев на Югру, которая, как выражается Фроянов, «сама себя отрекомендовала» смердами [1, с. 243]. Под 1169 годом летопись говорит о каких-то суздальских смердах, с которых взяли дань те же новгородцы [9, с. 33]. В первом сообщении национальное лицо смердов очевидно – это неславянские племена, обязанные Новгороду данью, во втором их этнический состав не ясен. Отмечается только их данническая зависимость от Суздаля. Вполне вероятно неславянская принадлежность белоозерских смердов, которые упоминаются в Повести временных лет под 1071 годом [1, с. 242]. Белоозеро вплоть до XII века было многонациональным. Здесь жили и славяне, и финно-угорские племена [11, с. 64]. Но, как замечает Фроянов, обряды, которые описывает летопись, рассказывая о белоозерских смердах, очень напоминают как раз мордовские, а не славянские [1, с. 242].

Вместе с тем смерды хорошо известны по всей Руси, и рассматривать их только как неславянское население невозможно. В Русской Правде они выступают как один из слов древнерусского общества. Их-то и называет И.Я. Фроянов «внутренними» смердами. Поскольку местное население дань не платило, а смерды, в том числе «внутренние», наоборот платили, делается вывод,

что они были выходцами со стороны. Подтверждение своей мысли он видит в их низком социальном положении. Слово «смерд» имело в Древней Руси презрительный и оскорбительный характер [1, с. 245]. Как известно, смердами обзывал киевлян князь Олег Святославич, когда в 1096 году Владимир Мономах и Святополк Изяславич приглашали его в Киев [12, Стб. 229–230]. Кроме того, согласно летописи, в 1016 году смерды получили вознаграждение от Ярослава Владимировича в 10 раз меньше, чем обычные новгородцы [1, с. 241]. Зависимое состояние смердов отразилось и в ст. 90 Пространной Правды (о наследстве), где сказано, что имущество смерда после его смерти, в случае отсутствия сыновей и замужества дочерей, передается князю.

Все перечисленные факты нельзя считать свидетельством рабского состояния смердов, хотя об очень низком статусе они, пожалуй, говорят. Для решения вопроса принципиальное значение имеют две статьи Русской Правды: 45-я и 46-я. В первой говорится: «...Аже за кобылу 7 (60) кун, а за вол гривна, а за корову 40 кун... то ти уроци смердом, оже платят князю продажю». Вторая гласит: «Аже будут холопи татие... их князь продажею не казнить, зане суть не свободни...». Многие исследователи настаивают на том, что сравнение этих статей не позволяет относить смердов к рабам. Об этом пишут Б.Д. Греков, М.Б. Свердлов, Б.А. Рыбаков, Г.В. Вернадский и другие. Б.Д. Греков, имея в виду 45-ю статью Правды, отмечал: «Свободный смерд отвечает сам за свои преступления» [2, с. 225]. По мнению Б.А. Рыбакова, «здесь дано четкое противопоставление: холопы не платят «продажу», так как они несвободны, а смерды платят, из чего следует логический вывод, что они свободны» [13, с. 49–50]. Г.В. Вернадский рассуждает об этом примерно так же: «То, что они [смерды] были свободными, может быть в наилучшей мере очевидно при сравнении статьи 45А... «Русской Правды» с последующей статьей 46. В первой сказано, что смерды могут быть оштрафованы князем за агрессивные действия, совершенные ими. В последней, что рабы не подвержены этим выплатам, «поскольку они

несвободны» [14, с. 158]. И.Я. Фроянов думает совершенно иначе: «Из того, что смерды платят продажу князю, а холопы не платят, будучи «не свободны», отнюдь не следует, будто смерды – свободные люди. На основании статей мы можем лишь заключить, что смерды – не холопы, и только» [10, с. 212]. На мой взгляд, не только. Неспособность отвечать за свои поступки – в одном случае и ответственность за свои преступления – во втором – вот что отличает одного от другого. И это главное, что вытекает из сравнения данных статей Правды. Поскольку отсутствие правоспособности – это следствие рабского статуса, наличие правоспособности однозначно говорит о личной свободе. Особенность смерда, которая отчетливо прослеживается в Русской Правде, в том и заключается, что он платит продажу, т. е. отвечает перед законом за свои преступления, холопы же не платят и ни за что не отвечают. А это означает, что смерды не только не холопы, но и в отличие от них являются лично свободными. Косвенно об определенной доле свободы смердов свидетельствуют и другие факты. Данническая зависимость, скажем, как это признает и Фроянов, предполагает наличие собственного хозяйства и особой, не связанной с получателями дани организации [15, с. 271]. Из этого следует, что древнерусские смерды, где бы они ни жили и кому бы ни платили, рабами не являлись. В то же время ясно, что они не обладали всей полнотой

прав, присущих свободному гражданину. Презрительное к ним отношение и низкий социальный статус, в сочетании с хозяйственной и организационной самостоятельностью, ставят смердов за рамки общности, основанной на правовой системе Русской Правды, но на этом и ограничивается. Разумнее всего, как мне кажется, понимать под смердами людей, не входивших в городскую общину, вне зависимости от того, где они жили и какого роду-племени были. Подтверждением этой мысли может служить уже упомянутое летописное сообщение 1016 года. «...Ярославъ... седе на столе отца своего... нача вои свои делите, старостамъ по 10 гривень, а смердомъ по гривне, а новгородцомъ по 10 гривень всемъ...» (выделено мною. – А.П.) [9, с. 175]. Здесь смерды, несмотря на то, что были набраны Ярославом в Новгородской земле, выведены за рамки понятия «новгородцы». Если под «новгородцем» понимать не жителя города вообще, а гражданина Новгорода, то это становится еще более очевидно.

Итак, в Киевской Руси землевладельцы использовали главным образом труд челяди и закупов, т. е. рабов и людей близких к ним, попадавших в зависимость в результате особого вида найма. Применялся и вольнонаемный труд. В качестве еще одного источника доходов выступала дань, собиравшаяся со смердов, которые трудились в первую очередь на себя.

Список использованной литературы:

1. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. СПб, 1999.
2. Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953.
3. Янин В.Л., Зализняк А. А. Берестяные грамоты из Новгородских раскопок 1998 г. // Вопросы языкознания. 1999. №4.
4. Зализняк А.А. Берестяные грамоты из Новгородских раскопок 1990 – 1993 гг. // Вопросы языкознания. 1994. №3.
5. Свердлов М.Б. От закона Русского к Русской Правде. М., 1988.
6. Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л, 1939.
7. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Русь изначальная. М.; Харьков, 2001. Т. 1.
8. Слово Даниила Заточника // Мудрое слово Древней Руси (XI – XVII вв.). М.: Советская Россия, 1989.
9. ПСРЛ (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов). М., 2000. Т.3.
10. Фроянов И.Я. Начала русской истории. М., 2001.
11. Дубов И.В. Новые источники по истории Древней Руси. Л., 1990.
12. ПСРЛ (Лаврентьевская летопись). М., 1997. Т.1.
13. Рыбаков Б.А. Смерды // ИСССР. 1979. №1.
14. Вернадский Г.В. Киевская Русь. Тверь, 1996.
15. Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб., 1996.